

положеніе. Человѣкъ самый близкій въ то время къ Кавелину, Н. А. Милютинъ, былъ тяжело боленъ, и Кавелинъ часто навѣщалъ страдальца, мучаясь душевно при видѣ его безнадежнаго состоянія. Интересно письмо того времени Кавелина къ Евг. Оед. Коршу въ Москву, отъ 25-го ноября 1866 г.

„Слухи о Милютинѣ, о которыхъ ты пишешь, къ несчастію совершенно справедливы, какъ ты уже знаешь изъ газетъ. Милютинъ—живъ физически, но нравственно и умственно, для дѣла, Милютинъ умеръ. Для него и для семейства, и для друзей лучше было бы, еслибъ онъ и физически умеръ. У него сердце органически разстроено, и, какъ врачи мнѣ объясняли, оно не имѣетъ достаточно силы, чтобъ сжиматься и выгонять кровь въ артеріи. Этого не исправишь ничѣмъ и никогда. Отчего произошелъ ударъ,—отъ разрыва сосудовъ въ мозгу или отъ того, что въ одинъ изъ нихъ попалъ кусочекъ створоженной крови, образовавшейся вслѣдствіе органическаго разстройства сердца, — неизвѣстно.

„Теперь непосредственная опасность для жизни миновала. Идетъ чрезвычайно медленное выздоровленіе,—но какое это возстановленіе! Врачи согласны въ томъ, что онъ уже никогда болѣе не будетъ способенъ для дѣла; а Милютинъ безъ дѣла, пережившій себя и нравственно, и физически, это—вѣчный мученикъ. Притомъ, всякое новое душевное волненіе, — а такія ожидаютъ его немедленно послѣ того, какъ онъ станетъ что-нибудь понимать связно,—убьетъ его немедленно.

„Въ обстоятельствахъ его тяжелой болѣзни есть что-то по истинѣ трагическое. Доктора нашли въ немъ разстройство сердца уже въ то время, когда онъ сломалъ себѣ руку. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не хотѣлъ лечиться какъ слѣдуетъ. Съ минувшаго октября онъ все перехварывалъ. Въ предпрошлую среду я заѣхалъ къ нему часу въ 10-мъ вечера, и нашелъ его совсѣмъ расклеившимся. Только минутами онъ оживлялся, а потомъ опять изнемогалъ. Въ пятницу я у него обѣдалъ и нашелъ его гораздо лучше. Но не было средствъ уговорить его отдохнуть. Однако онъ согласился на консультацію, которой настоятельно требовалъ Чертораевъ, его врачъ. Послѣдній былъ мраченъ, говорилъ намъ, когда мы были наединѣ, что у Милютина сильно разстроено сердце, что онъ малокровенъ и что онъ совсѣмъ теряется насчетъ больнаго. Въ субботу было какое-то весьма важное засѣданіе, въ которомъ Милютинъ непременно долженъ былъ участвовать. Онъ поѣхалъ, какъ самъ говорилъ, полумертвый, и былъ такъ взволнованъ, что Государь это замѣтилъ и просилъ его успо-